

Дружба крепкая?

Маркус Агирре

Позавтракав оленим и решив остатки спрятать в более надёжное место, Маркус ещё немного погулял в облике гиены. Он сходил на реку и попил воды, потом попытался вылизать свой бок, который от резких движений, которые ему пришлось делать, начал побаливать и кровить. Жжение было неприятное, и гиена зашла в воду. Бурный поток чуть не сбил зверя с ног, но животное удержалось и стало медленно и очень осторожно идти дальше. Здесь не было крокодилов, но поток был очень сильный и опасный. Встав раненым боком к потокам воды, зверь закрыл глаза. Вода промоет рану, избавит её от всяких камней и пыли, а потом можно будет лечь где-нибудь и зализать рану. Должно стать легче.

Вода была ледяная, и животное вскоре начало дрожать. Решив, что побыл в воде достаточно, Маркус осторожно выбрался на берег и, отряхнувшись, лег на солнце и стал вылизывать свой бок, прислушиваясь к разным шорохам.

Джун Мотидзуки

Когда на него налетел Ичиро, сообщив, что хорошо им знакомая девушка умудрилась потеряться в горах, Джун только обреченно вздохнул. По его мнению, ей вообще не стоило разрешать бродить в одиночестве, пока она не продемонстрирует сносную способность ориентироваться на местности, но естественно его покладистый друг даже не подумал немного на нее надавить и призвать к разуму, оставив все на самотек.

Естественно, отказывать Ичиро в помощи он не стал и, быстро собрав небольшой рюкзачок, напоследок посетовав, что не успел заготовить никаких заклинаний, отправился в путь. Какое-то недолгое время они шли по тропинке вместе, но затем решили разделиться, отправившись в разные стороны, чтобы быстрее прочесать окрестности, поскольку уйти далеко Лиза, казавшаяся шептуньей, но отнюдь не слабоумной, просто не могла.

Следуя правилу "кто ищет, тот всегда найдет", Джун, немного побродив по горам, действительно нашел. Вот только не девушку и даже не человека, а хорошо знакомую ему гиену, которую не видел уже давно.

- Маркус, - позвал юноша, зная, что его приятель достаточно хорошо обжился в звериной шкуре, чтобы контролировать животное. - Может, ты превратишься, и мы поговорим?

Джун волновался за парня, вляпавшегося, согласно его видениям, в неприятности в Лхасе, поэтому рад был видеть его живым, пусть и, похоже не слишком здоровым, вблизи от места, где ему могли оказать реальную помощь.

Маркус Агирре

Вскоре вместе с шорохами до него ушей донеслись шаги, а потом донесся запах. Знакомый запах. Через несколько минут Маркус увидел Джуну и вздохнул. А потом

снова стал зализывать свой бок.

Когда Джун заговорил, Маркус тряхнул головой и встал на ноги. Отряхнулся и, оскалившись, убежал за поворот. Сел на землю и снова вздохнул. Ему не хотелось ни с кем разговаривать, да и превращаться обратно в человека тоже не хотелось. Потому что человеком он не смог измениться, хоть и обещал. Он слишком порочный, и ему это нравится. Ему нравилась та жизнь, которой он когда-то жил. Ему нравилось играть в карты, пить и вести не очень хороший образ жизни. Но... после определенных событий в его жизни он понял, что не может больше так жить. Отец не просто так отмазал его. А получилось, что он предал отца...

А гиеной ему было спокойно и хорошо. Ему нравилось быть гиеной. Он так ни о чем не думал. Ни о том, что предает отца, ни о Цэрин Лхаце, ни о тетке, чью просьбу он так и не смог выполнить.

Гиена мотнула головой и, глубоко вздохнув, перекинулась в человека. Потом Маркус вышел к Джуну и посмотрел на него.

- Я тебя слушаю, - он пожал плечами.

Джун Мотидзуки

Первое время Джуну казалось, что гиена попробует его просто проигнорировать или вообще уйдет, не желая превращаться в человека. В своей обычной форме Маркус показывал себя жутким упрямым, с которым нелегко было найти общий язык, так что никаких иллюзий по поводу покладистости зверюги, юноша не испытывал, перебирая в голове всевозможные хитрости, чтобы добиться от друга хоть чего-то вразумительного.

В какой-то момент, гиена, воплощая в жизнь его худшие подозрения, просто поднялась и ушла, но не успел Джун отправиться за ней следом, как к нему вышел Маркус, помятый, но вполне себе живой, пусть и как обычно не лучащийся оптимизмом.

- С боком у тебя что? - сразу спросил Джун, от которого не укрылась полученная гиеной рана. - Могу помочь.

На его взгляд Маркус как-то слишком часто от кого-то получал и без магического вмешательства уже давно с головы до ног был бы покрыт шрамами, но, похоже, парня вполне устраивал подобный образ жизни, раз он не пытался ничего изменить.

- Давно ты здесь бродишь? И когда планируешь возвращаться в монастырь? - Он нарочно не стал спрашивать про Цэрин Лхаце, которую Маркус наверняка встретил, чтобышний раз не бить по больному. Джун догадывался, что друг тяжело переживает разлуку, но в этой конкретной ситуации не чем не мог ему помочь, прекрасно понимая, что чувства - это не то, от чего можно избавиться по собственному желанию.

Маркус Агирре

Молодой человек прислонил руку к раненому боку и почувствовал кровь. Потом

посмотрел на свою ладонь и вытер её о джинсы. По хорошему надо было пойти в монастырь, обратиться за помощью, но это означало, что он станет человеком и будет жить и, наверное, общаться с другими людьми. Он не хотел. Гиеной было проще. У него возникла мысль как-то связаться с отцом и попросить его снова отправить его в Африку. Там будет проще. Там будет Нарита, её клан. И там будет хорошо.

- Всё нормально. Помогать мне не надо, - недрожливо буркнул молодой человек, снова прислоняя руку к боку. Печально осознавать, что, став человеком, он стал острее чувствовать боль. Рана сильно болела, но Маркус не хотел, чтобы кто-то ему помогал. Он просто хотел, чтобы от него отстали.

- Вчера вечером вернулся. Остановился в домике. А в монастырь я возвращаться не хочу. Что там делать? - Спросил он и посмотрел на реку, которая текла неподалёку. Он не знал, о чём ещё поговорить с Джун и просто отвернулся от него.

Джун Мотидзуки

Пожалуй, если бы в монастыре проводился конкурс на звание самого большого упрямства, умеющего виртуозно портить себе жизнь, Маркус, несмотря на наличие весьма достойных конкурентов, имел все шансы одержать безоговорочную победу. За каждым относительно спокойным периодом приходил период очередных безумств, за который этот удивительный парень умудрялся натворить такого, что потом только и оставалось, что хвататься за голову и думать, как все это теперь расхлебывать. Так что, пожалуй, мало кто, кроме него самого, смог бы общаться с Маркусом на протяжении длительного времени.

- Ты что дурак? - поинтересовался Джун, глядя на то, как его упрямый приятель прислоняет руку к раненому боку. - Или тебе нравится страдать? По моему, даже если ты хочешь скакать по горам голодной и одинокой гиеной намного проще и приятнее это делать, когда у тебя не идет кровь.

Эта тяга Маркуса проводить большую часть времени в форме гиены была Джуну совершенно непонятна. Он сам достаточно трепетно относился к собственному телу и не стал бы отказываться от него на ощутимый период времени, даже если бы у него имелись на то серьезные причины.

- А в домике что делать? Есть, спать, убивать? Или ты забыл о данных отцу обещаниях исправить то, что успел натворить? Интересно, как ты собираешься это делать, охотясь на местных зверушек? - Если бы не провоцирующее поведение Маркуса, Джун бы не стал ему напоминать о произошедшем в Африке, но парень продолжал вести себя, как подросток-негативист, просто не оставляя ему других вариантов.

Маркус Агирре

- А тебе какое дело до этого? - Маркус начал заводить. - Ты мне кто? Отец родной, мать или кто-то, кого у меня никогда не было? Не надо обо мне заботиться, ясно?! И жалеть меня тоже не надо!

Свою речь он закончил криком, а потом опустился на землю и обнял согнутые в

колених ноги руками. Было больно. Рана сильно болела, и он подумал уже перекинуться обратно, потому что в зверином облике было не так больно. В зверином облике он не срывался, не совершал плохие поступки. В зверином облике все было хорошо. Он бы все отдал, чтобы остаться в зверином облике навсегда. Он устал быть человеком.

Да, он во многом был неправ, он многим причинил боль, он никогда не ценил никого. После того, как его ограбили в Лхасе, украв все, даже паспорт, он перестал быть человеком. Он снова вернулся к тому, из-за чего некоторое время назад погиб тот парень в Африке. Он вернулся к тому, чем жил несколько лет, слушая своего дядю и нервируя отца своими выходками. Из-за его порочных желаний и поступков Цэрин Лхаце могла пострадать, когда искала его в подворотнях Лхасы. Он никогда не исправится.

- Я не хочу оставаться человеком. Ты... никогда не задумывался, что человечество - это вирус? Может быть, мы все были животными, а потом что-то случилось, и мы стали людьми? Венец эволюции? Самый главный убийца? Я нашел своего зверя, а он нашел меня. Так я не смогу никому причинить вреда. Я хочу уехать обратно. В Африку. Мне... скучно без них, Джун. Я... смешно, но там я нашел настоящую семью. Семью, которой у меня никогда не было. Я знаю, что никогда не предам сородичей, но...

Он посмотрел на воду и вздохнул. Наверное, это глупо и неправильно, наверное, этим он предаст людей, которые его ценят и уважают? Хотя он честно не понимал, за что его ценить и уважать. Да, он был благодарен Цэрин Лхаце, что она спасла его. Он был благодарен многим, с кем познакомился в этом монастыре. Но он не мог гарантировать, что они не пострадают.

- Это все? - Решив, что молчание слишком затянулось, он перевел взгляд на Джуна.

Джун Мотидзуки

- Ну, на мать я точно не тяну, - на попытку Маркуса на него сорваться, Джун старался реагировать максимально спокойно. - Вообще, я считал себя твоим другом. А для друзей нормально друг другу помогать. Или ты не об этом думал, когда лез за мной в горящий дом. - Юноша не испытывал желания превращаться для взрослого парня в няньку, но, в его понимании, проявление заботы по отношению к человеку, сделавшему для тебя немало, являлось чем-то естественным и не требовало особых объяснений.

Тирада Маркуса по поводу человечества - вируса заставила Джуна немного усомниться в здравости его рассудка. Возможно, парень бредил из-за раны, а возможно уже сходил с ума от одиночества, но в своих радикальных настроениях он явно перебарщивал, озвучивая более чем спорные мысли.

- По поводу животных и венца эволюции - это тебе к Маргарите-сан. Думаю, она быстро объяснит тебе в чем конкретно ты сейчас не прав. А вот что касается гиен... - этот вопрос волновал Джуна намного больше проблем человечества, - тебе не кажется, что это бегство? Тебе там комфортно, потому что так не нужно решать человеческие проблемы. Только вот ты не гиена и никогда не сможешь стать гиеной

полностью. - Юноша не знал, как Маркус отреагирует на его слова, но начав, решил зайти и дальше, пустив в ход "тяжелую артиллерию". - Мне думается, даже останься Цэрин Лхаце в деревне, ты никогда не смог бы ее добиться. Она привыкла к тяжелой жизни и ей нужен надежный мужчина, на которого она могла бы опереться, а не тот, кто сбегает, как только что-то идет не так.

Высказавшись, Джун сразу занял оборонительную позицию. Зная Маркуса, после таких жестоких вещей можно было рассчитывать на что угодно, включая акт агрессии, а любимых усыпляющих заклинаний он подготовить не успел, так что оставалось только ждать и надеяться на пробуждение у друга здравомыслия.

Маркус Агирре

- Да я ни о чём не думал, когда лез туда, - устало сказал молодой человек, снова поворачивая голову и глядя на поверхность горной реки, которая блестела на солнце. В Африке он не попал в сезон дождей, когда реки разливаются, а на сухой земле появляется трава, такая зелёная и прекрасная. Травоядные снова собираются там, кушают траву, и мясо после этого у них становится питательным и очень сочным. Даже у стариков. Маркусу нравилось там. И он был более чем уверен, что отец отправил бы его туда ещё раз. Потому что тогда отец как-то слишком быстро принял его способности и сам предложил поехать в Африку. Может, отец боялся, что Маркус может стать ещё опаснее?

Он закрыл глаза и подставил лицо лучам солнца. После купания одежда не высохла, стало холодно, но он упрямо не хотел никуда идти. на слова Джун он просто помощился и зажмурился, когда тот сказал про Цэрин Лхаце. Да, он был прав. Чертовски прав. Цэрин Лхаце никогда не посмотрит на него. Ну и тем лучше, что она уехала. они больше никогда не встретятся, и это немного успокаивало. Забыть можно всё. У него было очень много девушек, и больше половины он и не помнит. Хотя там были не только объятия, но что-то ещё. Маркус обязан её забыть.

- Да, Цэрин Лхаце... я благодарен ей... и тебе... она спасла меня, меня чуть не убили в Лхасе, а она нашла меня, устроила в больницу и заботилась обо мне. Я найду способ её отблагодарить, но надеюсь, что мы с ней больше никогда не увидимся. Я был влюблённым идиотом, но я постараюсь её забыть. Это был хороший период в моей жизни. Человек имеет свойство всё забывать. Мы не можем помнить всё... А по поводу остального. Да, мне там комфортно. Там нет проблем. К сожалению, ты прав, я никогда не смогу полностью стать гиеной, но я не хочу быть и дальше человеком. Я... - он горько хмыкнул. - Знаешь, а мне та жизнь нравилась. Мне нравилось, что я играл в карты, обманывал, заставлял отца переживать. Мне вложили в голову, что именно эта жизнь правильная. Дети из детских домов нередко становятся алкоголиками, наркоманами и даже убийцами. Потому что им никто и никогда не говорит, что хорошо, а что плохо. Я не отрицаю, что в нормальной семье может родиться отморозок, вот я, например, но ведь это зависит не от ребёнка, верно? - Он замолчал, чтобы перевести дух. Бок болел, боль была пульсирующая и надоедливая. На лбу выступили капли холодного и липкого пота. А мир, как ему показалось, пошатнулся и на какое-то время, ничтожно маленькое, изменил привычные очертания, показавшийся будто в тумане.

- Ты говоришь, что надо измениться. Как? Просто проснуться и начать жить

правильной жизнью? Я пытался. Я клялся отцу, что не вернусь к этому. Я... просил его отмазать меня от тюрьмы. Я клялся ему, что больше никогда не вернусь к этому. А потом я заболел. Поехал в Лхасу, чтобы перебраться к отцу в Австралию. Но мне из-за высокой температуры стало плохо. Меня ограбили и отняли всё. Паспорт, деньги, телефон. Я хотел добраться до Пекина, чтобы попросить у Яреци помощи, но... Да, я нарушил клятву. Их было трое, и они предложили мне сыграть в карты. А потом я что-то выпил... Цэрин Лхаце меня спасла. Я устал. Устал. Знаешь, я их хотел убить. Я хотел их растерзать. Но я хорошо контролирую своего зверя. А вот себя я не могу контролировать. Да, мне нравится быть гиеной...

Мир снова пошатнулся, и Маркус закрыл глаза. По телу пронеслась слабая дрожь. Он спрятал голову в колени, чтобы скрыть сползшую по щеке слезинку. Такую унижительную и обжигающую. А ведь гиены не плачут. И не страдают из-за девушки. И не играют в карты...

Джун Мотидзуки

Чем больше Маркус говорил, тем меньше Джун его понимал, хотя никогда не замечал за собой особого скудоумия. Но, тот, похоже, настолько глубоко погрузился в свои мысли и чувства, что разговаривать с ним на одном языке можно было только, "нырнув" на самое дно, чего Джун делать как-то не планировал.

- Маркус, - постарался юноша уцепиться хотя бы за что-то, из общего потока слов, соотнося это с уже имеющимися знаниями. - Я из благополучной семьи, где меня всегда любили и, естественно, мне не понять через что ты проходил в детстве, но ведь и ты уже давно не ребенок. Да и вообще, нельзя жить прошлым. Учись жить здесь и сейчас. А так, ссылаясь на прошлое, ты только и делаешь, что отпугиваешь от себя людей в настоящем.

Джун не был уверен, что сейчас Маркус говорил именно про это, но поскольку данная мысль уже давно не давала ему покоя, он решил воспользоваться возможностью и ее высказать.

- Значит, паспорта, денег и телефона у тебя нет, - подвел Джун итог рассказа о злоключениях Маркуса в Лхасе. Но, конечно, попросить о помощи, чтобы хотя бы связаться с отцом, и тот не поднял панику из-за твоего исчезновения - это что-то нереальное?

Он уже хотел было продолжить, как обратил внимание, что друг начинает выглядеть уж очень подозрительно, словно в любой момент может свалиться жертвой своих глупости и упрямства.

- Маркус, может хватит вести себя, как баран? - Джун решительным шагом подошел и полез к боку Маркуса, пытаясь осмотреть его рану. И пусть он легко мог получить за эту самодеятельность, решил сделать все от него зависящее, чтобы потом не винить себя за недостаточную настойчивость.

Маркус Агирре

- И что? Просто так все забыть? Да, наверное, нужно забыть и сразу начать жить по-другому, - фыркнул молодой человек. - Знаешь, я попробую. Конечно, зачем

страдать, привязываться к тем, кто тебя ненавидит. Зачем вспоминать прошлое, в котором никогда не было ничего хорошего? Разумеется, нужно все перечеркнуть, забыть, уничтожить. Забыть предательство людей, которых некогда считал друзьями. О да, это просто.

Он чувствовал, что Джун говорит правильные вещи, что действительно нужно забыть. Но было ли это так просто? В его друзьях были и дети из неблагополучных семей, и Маркус не помнил ни одного, кто бы лучился уверенностью, оптимизмом, любил людей. Да, наверное, любить людей достаточно тяжело. Маркус и сам не особо выделялся из общей массы своих друзей.

Он хотел много чего еще сказать, но не смог найти подходящих слов. Просто тяжело вздохнул. Он никогда не ценил и не уважал людей. Он вообще всегда рос с убеждением, что вообще не нужен никому. Отец из-за своей эгоистичной натуры хотел его оставить только для того, чтобы потешить свое самолюбие. Этот факт вбивали в голову Маркуса с четырех лет, вбивали каждый день, наряду с тем, что он ничтожество и его никто не собирается содержать. И любить. И хоть что-то делать для того, чтобы он стал правильным человеком. Тяжело вырасти хотя бы добрым, когда никто не говорит ни одного ласкового слова.

Он не знал, зачем бросился тогда в горящий дом, вытаскивая Джуна. Не знал, зачем спас Кимико. Все это делалось на автомате. Потому что кроме него никого рядом не было. Смог бы кто-то так же рискнуть, окажись он в горящем доме? Он сильно сомневался. Любому человеку не хочется портить свою шкурку.

- Я... запутался... - тихо прошептал он. - Я... помоги мне, пожалуйста... Что мне делать? Почему она простила меня? Я убивал ее, я хотел ее смерти, я так и не извинился перед ней. Почему она не держала на меня зла? - Он к своему сожалению почувствовал, что в глазах застыли слезы. - Отец... я хотел ему сообщить, что приеду в Токио. Он сейчас там. Потом он хотел уехать в Австралию, к своей секретарше. Он из-за нее сильно переживает.

Он позволил Джуну осмотреть рану. Но он не был готов пока возвращаться к человеческому образу жизни.

- Ты сможешь мне помочь?

Джун Мотидзуки

- Забыть невозможно, но научиться с этим жить - вполне реально. - По мнению Джуна, если бы люди не умели переживать сложные периоды и идти дальше, то уже давно бы вымерли, как вид. - И если слово "сразу" не про тебя, то начни уже хоть как-нибудь.

Джуну казалось, что Маркус имел обыкновение слишком много думать. А думать у него получалось не слишком удачно, поэтому стоило переключиться на что-то другое, например, реальные дела, которых в монастыре сейчас имелось навалом, хотя друг, конечно, мог с подобным вариантом и не согласиться.

- Людям вообще свойственно прощать тех, кто им дорог. - Джун догадался, что

Маркус говорит о своей тетке, с которой недавно ему самому пришлось познакомиться намного ближе, чем ему бы того хотелось, и для него ее любовь к непутевому племяннику являлась чем-то очевидным.

- Вот сразу бы так, - осмотр раны заставил Джун недовольно поморщиться. Пусть она и не казалась глубокой, но из-за рваных краев не внушала особого оптимизма и требовала лечения со стороны опытного врача.

- Ладно, сейчас попробуем тебя немного подлатать, но потом все равно тебе нужно будет сходить в лазарет. - Джун отошел от Маркуса, опустился на землю, снял свой рюкзачок и начал вытаскивать из него принадлежности для офуда. Он терпеть не мог работать в полевых условиях, но, научившись достаточно быстро прописывать иероглифы, предпочитал создание заклинаний, в чьей эффективности уже давно убедился, альтернативным методам.

Сейчас Джун решил взяться за достаточно сложное заклинание, с которым еще никогда не работал. Заживлять раны раньше ему не приходилось, и юноша не был уверен в идеальном исполнении, но, в любом случае, при должном старании можно была рассчитывать на неплохие результаты. Сосредоточившись и представив, как затягивается рана Маркуса, Джун написал на специально заготовленной полоске бумаги иероглифы 女媧. Обычно он забраковывал первые варианты, но сейчас, плохо представляя идеал, к которому ему следовало стремиться, сразу остановился на том, что у него получилось, поднимаясь и подходя к Маркусу с результатом своих трудов.

- Ну, попробуем, - юноша осторожно приложил лист с офуда к ране и принялся выжидать, чем закончится его небольшой эксперимент. Было бы обидно, если после всех стараний заклинание бы совсем не сработало, но тогда, по старой доброй традиции, он воспользовался бы бинтами, которые, отправляясь на поиски девушки Лизы, на всякий случай прихватил с собой.

Маркус Агирре

Маркус ничего не ответил и стал с интересом следить за тем, как Джун достает из рюкзака полоски бумаги, а потом начинает вырисовывать какие-то иероглифы. С офуда Маркус уже однажды столкнулся, и сейчас он вздохнул, думая, что Джун снова его усыпит. С одной стороны совершенно не хотели, чтобы Джун делал что-то подобное, но с другой у него не было никакого желания как-то это останавливать. Можно было, конечно, убежать. Превратиться в гиену, у них болевой порог очень высокий, и эта рана обязательно бы зажила.

Но ведь если он так сделает, то Джун никогда больше не будет ему помогать. Но нужно ли ему это? Нужна ли забота и жалость друга? Наверное, да. Он вздохнул и посмотрел на то, как Джун прикрепляет полоску с иероглифами к его боку и приготовился, чтобы заснуть, но вместо уже привычной слабости и налитых свинцом век появился неприятный зуд в ране. А потом, через несколько секунд, полоска бумаги рассыпалась в пепел. Рана осталась, но уже была не такая рваная. Она постепенно затягивалась.

- Спасибо... - Прошептал он, вздыхая. - Я... был дорог ей? Но ведь я никогда не

делал матери Яреци ничего хорошего. Я... настраивал ее против отца, из-за меня она поссорилась с Яреци. Я так и не смог сдержать обещания. Я обещал Яреци, что попрошу у тетки прощения. Ладно, ты не обязан это слушать... - Он вздохнул и продолжил сидеть, обняв ноги руками и глядя на бурлящую реку.

Джун Мотидзуки

Процесс заживления шел не совсем так, как предполагал Джун, но, что самое приятное, хоть как-то он шел, что для первой попытки было совсем неплохо. Кровь перестала идти, а края раны стянулись, и хотя было видно, что задев, ее несложно разбередить, при таком раскладе в оказании немедленной медицинской помощи Маркус нуждаться переставал.

- Подожди благодарить, еще один момент, - Джун все же вытащил бинты и обмотал торс друга, чтобы тот неловким движением не испортил его работу, и уже только после этого вернулся к разговору.

- Любовь часто бывает иррациональной, - философски заметил юноша, убирая все ненужное в рюкзак. - А твоя тетя, как я понимаю, видела тебя еще ребенком и уже тогда любила. И тебя она простила. Поверь, я это знаю лучше, чем кто-то другой. - Если бы он не чувствовал, как важно духу матери Яреци сказать последние своему племяннику, никогда не пустил бы его в свой разум, но идущее от него желание дотянуться до дорогого человека тронула его собственное, иногда слишком податливое сердце.

- Кстати, - Джун резко замер, вспоминая, зачем вообще потащился в горы. - Ты здесь девушку светловолосую и не в меру активную случайно не видел? - Раз Маркус охотился в относительной близости от монастыря, то вполне мог встретить Лизу, устроившую очередной переполох, напугав не в меру впечатлительного Ичиро своей неявкой на место запланированных работ.

Маркус Агирре

Когда друг стал обматывать его торс бинтами, он просто печально вздохнул. Но теперь точно не было никакого желания куда-то убежать, что-то делать, становиться зерем и жить в звериной шкуре. Хотя мысль превратиться в гиену и отправиться обратно в Африку никуда не делась. Возможно, это был действительно побег от проблем. Но там действительно не было проблем, там было всё другое. Там не было предательства и ненависти. Но там и не было дружбы.

Он вспомнил, как стал свидетелем избиения отца. Он оттащил дядю за долю секунды до того, как тот нанёс удар лежащему на полу отцу в голову. А если бы он не успел? А если бы он тогда, в Африке, не увидел того людоеда? Он мотнул головой и горько хмыкнул.

А потом Джун сказал о тётке, и он болезненно поморщился. Он не был уверен, что хочет повторить что-то подобное ещё раз. Всё-таки общаться с духами - это не общаться с реальными людьми. В это есть что-то таинственное и странное.

- Да, она заботилась обо мне. Ну, она, насколько я знаю, помогла отцу найти мне няню и иногда навещала нас. А потом у неё появился муж, и она уехала в Россию.

Мне было, кажется, четыре года, когда няня уволилась. Она вроде бы заболела, и отец, которого я видел пару раз в год, отдал меня в дом своей матери и дяди Мануэля. А дальше... собственно, можно дальше додумать, чем это кончилось. Мы с отцом стали относительно близки после его посещения Пекина. Он тогда вышел в магазин, а его избили. Мы долго разговаривали, а потом я сказал ему о своей способности. Знаешь, он очень быстро согласился с этим. И он предложил мне поехать в Африку.

Маркус вздохнул и сел поудобнее. Наверное, он своим обществом мешает другу? не из-за него же Джун оказался здесь? Только он хотел спросить, что его привело к нему, как Джун сам это сказал. Маркус усмехнулся.

- Да, видел. Мы встретились около логова. Я тогда упустил кабаргу, она меня ранила, и я вернулся к зайцу. А там уже стояла девчонка. Я пытался её отогнать, а она стала меня дразнить палкой. А потом она применила на мен свои магические штуки, и я убежал, - честно ответил он.

Джун Мотидзуки

То, что Маркус притих и не делал попыток от него сбежать, было хорошо. Огорчало одно - негатив сменился грустью, и друг окончательно погрузился в свои невеселые воспоминания, заставляя Джуну задуматься, а было ли в его жизни вообще что-то приятное, что можно было вспомнить с улыбкой на губах. Сам он сходу смог бы воспроизвести десятки случаев из жизни, вызывающих в груди приятное тепло, и ему очень трудно было представить ситуацию, отличную от своей.

- Кстати, по поводу твоего отца, - Джун решил перейти от лирики к насущной проблеме. - Тебе бы стоило с ним связаться, да и решить проблему с документами. Если что, с деньгами как-нибудь разберемся. - Даже если Маркусу и нравилось проводить время в обличье гиены, это не отменяло того момента, что, вставая на две ноги, гиена должна была подтверждать свою личность и без документа была обречена не в Африке гулять, а в окрестностях монастыря.

- Что, и тебя она успела спугнуть? Бойкая девочка. - Прикинув, Джун пришел к выводу, что раз сам он напоролся на Маркуса, значит Лиза должна была остаться где-то в районе поисков Ичиро. А раз так, то друг, отлично заменяющий собой ищейку, должен был ее обнаружить.

- Ладно, давай мы с тобой решим что и как. Рекомендую пойти со мной в монастырь, привести тебя в порядок и определиться с дальнейшими действиями. - Джун надеялся, что немного присмирев, Маркус согласится приступить к решению человеческих проблем, с которыми невозможно было разобраться блуждая по горам и обдирая себе бока, и отправится вместе с ним, не заставляя заманивать себя в монастырь какой-нибудь хитростью.

Маркус Агирре

- Если бы я помнил его номер телефона, - вздохнул Маркус. - Я только смутно помню, где живут Яреци и Тору. Только вот до Пекина пешком не дойти. Я хотел к ним отправиться, но у меня не было денег... я не хочу больше ни у кого занимать деньги. Я... не привык к этому.

Он действительно хотел связаться с отцом. Ещё в больнице он думал добраться до Пекина, но Цэрин Лхаце и так ему сильно помогла. Оплатила дорогое лечение, купила одежду, приносила какую-то еду, да ещё и денег дала на автобус до монастыря. Он просто не мог просить у неё ещё больше денег, чтобы добраться до Пекина. Значит, надо придумать другой способ найти деньги. Вот только он в свои двадцать пять лет почти ничего не умеет. Хотя может что-то починить, но на этом много денег не заработаешь.

- Я даже не помню номер телефона Яреци. Хотя... - Он задумался и посмотрел на друга. - У тебя же наверняка есть её номер телефона? Точно, как я не подумал. Может, ты позвонишь ей и попросишь у неё телефон моего отца?

Да, надо позвонить кузине и попросить номер отца. Тот, конечно, будет недоволен, но подскажет, куда надо обратиться, чтобы восстановить паспорт. Наверное, нужно будет ехать в Пекин. Маркус тряхнул головой. И отрицательно покачал головой.

- Ладно, можно и в монастырь. Только потом. Сначала надо позвонить Яреци. У тебя телефон с собой? Надо спуститься в деревню и позвонить. - Он встал на ноги. Сделал это очень резко и пошатнулся от боли в боку и головокружения. - Спасибо тебе за помощь, Джун. - он слабо улыбнулся.

Джун Мотидзуки

- Ну, найти его номер - это как раз самое легкое. - Маркус еще не знал, что дядя с Яреци недавно вернулись в монастырь и могли ему помочь, а потому придумывал достаточно сложные варианты решения проблемы. - Как доберемся до монастыря, спросишь у своей двоюродной сестры, она сейчас там.

Ноги держали Маркуса все еще не слишком хорошо, заставляя Джуну признать превосходство традиционного в монастыре врачевания перед офуда. Даже затянув рану, заклинание не восстанавливало организм после кровопотери, хотя, как полевой вариант оказания первой помощи, неплохо справлялось со своей задачей.

- Пожалуйста, - по тону Джуну было заметно, что ничего особенного он в своей помощи не видит. В конце концов, он не переломился, уговаривая Маркуса позволить себя подлечить и отправиться с ним в монастырь, хотя и предпочел бы заняться чем-нибудь более приятным и, желательно, в компании Доминики.

- Если будет тяжело идти, можешь на меня опираться, - предложил Джун, не слишком рассчитывая на согласие. Маркус был упрям, очень упрям, но, к счастью, от монастыря их отделяло не такое уж и большое расстояние, чтобы друг пал жертвой своего упрямства, вынуждая его последние метры дотаскивать неспособное к самостоятельному передвижению тело.

Маркус Агирре

- Она в монастыре? - Удивился Маркус и горько хмыкнул, представив, что бы делал, если бы Цэрин Лхаце дала ему больше денег, чтобы хватило на поездку в Пекин. Ничего хорошего он не придумал, и в голову закралась мысль, что там, в Пекине, он бы снова начал играть в карты, снова бы его кто-то избил и оставил умирать. И

только в тот момен никого не было бы рядом.

Он сомневался, что отец второй раз переживёт процедуру опознания, если в этот раз он сам будет лежать на столе. Его старик и без того сломался после пребывания в Мексике, где его избил брат, а мать просто вышвырнула из дома как нерадивого котёнка. Его унизили, уничтожили и бросили. Человека, который обеспечил своей семье безбедное существование, помирил свою мать с родителями и вернул их в особняк. Теперь, после смерти тётки, отец не стал нужен никому. Он, насколько Маркус понимал, не привык никому доверять. Он всегда был очень скрытный, жёсткий. И он никому не рассказывал о своей жизни. Потому что ещё в двадцать лет мать назвала его слабаком и трусом, когда он чуть не умер в Африке.

Маркус вздрогнул от своих мыслей, и это совпало со словами Джуна о поддержке. Он отрицательно мотнул головой и направился следом за Джуном, думая, что ему делать дальше. Надо позвонить отцу, восстановить документы и уехать с ним в Австралию. Заботиться о нём.

Маркус винил себя в том, что в Мексике не стал его удерживать, позволил ему просто уйти. Наверное, надо было его удержать, успокоить, поговорить с ним, но он не сделал этого. Потому что он никогда раньше этого не делал.

Вскоре показались ворота монастыря, и Маркус обречённо вздохнул. Но переступил через них и, попрощавшись с Джуном, направился в свою комнату.
